

МАРИНА СЕРОВА

Я подарю тебе все...

Сериал
"Телохранитель Евгения Охотникова"

Марина Сергеевна Серова

Я подарю тебе все...

Серия «Телохранитель Евгения Охотникова»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2670195
Я подарю тебе все...: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-53438-8

Аннотация

Телохранителю Жене Охотниковой досталось пустяковое задание – съездить в Голландию и привезти препарат, из которого впоследствии приготовят новое лекарство. Но попутчики Жени, сотрудники фармакологического предприятия, ведут себя более чем странно: заместитель директора встречается в Амстердаме с сомнительными личностями, начальник службы безопасности впутывается в неприятности с наркотиками. А к тому же вместо заявленных в документах трех пробирок с препаратом в полученном контейнере их находится уже пять. Женя понимает, что с медикаментами не все так чисто. Похоже, новым препаратом заинтересовались не только представители отечественной медицины – и за ним явно тянется криминальный след. Теперь только от Охотниковой зависит, в чьи руки

попадет злополучное лекарство и с какими целями его будут в дальнейшем использовать...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Марина Серова

Я подарю тебе все...

Глава 1

– А я тебе говорю, Женя, что это самое настоящее глобальное потепление! – назидательным тоном произнесла тетя Мила, делая звук в телевизоре громче.

На экране проплывали картины европейских городов, утопавших в смоге и духоте.

– Тетя, зимой, когда морозы достигли двадцати пяти градусов, ты меня уверяла, что нас ждет новый ледниковый период, – заметила я, меланхолично подпиливая ноготь стеклянной пилочкой. – Хотя в пору моего детства крепкие морозы стояли практически каждый год и не казались чем-то выдающимся. Мы даже радовались, потому что из-за этого занятия в школе отменяли.

– Вот видишь! – не смутилась тетя, плавно обходя тему ледникового периода, – я же тебе говорю: глобальное потепление! Скоро зимы в привычном нам смысле не будет вообще! А летом средняя температура поднимается до плюс сорока пяти!

– Это ты с чего взяла? – Я удивленно подняла голову от своих пальцев.

– Позавчера я смотрела передачу, посвященную этому вопросу, – с чрезвычайно серьезным видом поведала тетя. – Там очень убедительно доказывали, что потепление на нашей планете неизбежно! Причем жара будет только расти! Ты понимаешь, Женя, что это означает?

– Понимаю. Мы все сгорим, – кивнула я. – Не понимаю только, чего ты хочешь от меня?

– Как чего? – всплеснула руками тетя. – Нельзя же быть такой беспечной!

– И что ты предлагаешь? Купить подземный бункер где-нибудь в Антарктиде? – хмыкнула я.

У тети были свои методы решений сложных проблем:

– Нужно быть более бдительной и серьезной! Досконально все изучить, разобраться... Передачи познавательные смотреть почаще!

– Это о конце света, что ли? Который нам с завидной регулярностью обещают каждые полгода?

Тетя Мила надулась.

– Между прочим, – сухо сказала она, – одна женщина, победитель прошлогодней «Битвы экстрасенсов», открыто заявила о том, что если мы не примем мер, то конец света наступит уже через два года!

– Ну а меры-то какие требуются? – никак не могла въехать я. – Как я поняла, ты предлагаешь мне заняться изучением геологических процессов, просмотром псевдонаучных телепрограмм – то есть полностью переключиться на науку в

смеси с эзотерикой. Может, конечно, это очень увлекательно, но мне только непонятно, кто при этом будет зарабатывать деньги? Или мне тоже в «Битву экстрасенсов» податься? Боюсь, у меня для этого нет данных. Никаких предков, наделенных экстрасенсорными способностями, – ни по материнской линии, ни по отцовской! Или ты у нас, может быть, скрытая ведьма, а? – подмигнула я тете. – Вчера поздно вечером куда-то уходила из дома – может, ты на метле летаешь?

Тетя Мила очень изумилась из-за такого предположения с моей стороны. А я продолжала ее поддразнивать:

– То-то я смотрю, стоило нашей соседке тете Кате – той самой, что залила нас неделю назад, – помыть окно, как сразу пошел дождь! Признавайся, это – твоя работа?

Тетя совсем опешила. Она, кажется, только сейчас связала эти два факта между собой и призадумалась всерьез.

– Вчера вечером я выходила в супермаркет, – наконец медленно произнесла она. – У меня закончились спички.

– Могла бы взять у меня зажигалку, – пожала я плечами.

Тетя ничего не сказала, только смирив меня подозрительно задумчивым взглядом и тихо удалилась в свою комнату, аккуратно прикрыв за собой дверь. Я посмеялась и тоже пошла к себе, чтобы посмотреть новый диск, который мне рекомендовал один приятель, отслеживающий все новинки кинопроката. Андрюха утверждал, что данный фильм – лучшее, что он видел за последнее время, и мне уже давно не терпелось его посмотреть и составить собственное представ-

ление.

Включив кондиционер, я растянулась на диване. Что и говорить, погода в последнее время и в самом деле вела себя просто неприлично. Жара совершенно распустилась и атаковала жителей Поволжья уже во второй половине мая. А затем начался июнь, один из самых любимых моих месяцев, когда еще нет пыли, духоты, назойливых мух... Когда еще не кончился период цветения и нежных ароматов, и ночи дышат свежестью и прохладой...

Но нынешний июнь – впрочем, как и прошлогодний, – не соблюдал эти правила. Он нарушал их с неприкрытым цинизмом. И духота накрывала всех с головой, не спадая даже ночью, и обнаглевшие мухи лезли изо всех щелей, и моя любимая акация под окном увяла стремительно, как затянувшая с замужеством привередливая девица...

Выручить меня, конечно, могла бы Волга. Но, как это часто бывает, тут я чувствовала себя сапожником без сапог. Живя на берегу самой крупной реки в Европе, я не так уж часто вырывалась отдохнуть на ее просторах. Конечно, главным препятствием являлась работа, которая летом накрывала меня с головой – прямо как жара. Но не только в этом дело. К середине июня вода в Волге становилась теплее, чем парное молоко, и облегчения уже не приносила. К тому же, пока доберешься в машине по раскаленному городу до дома после купания, тысячу раз успеешь вспотеть заново. Так что я уже несколько лет тому назад нашла максимально простой

и удобный выход – кондиционер. Вернее, два кондиционера: в своей комнате и в тетиной. Так что в периоды отдыха, сидя дома под прохладными воздушными струями и высывая на улицу нос только по вечерам, и то, чтобы быстренько добежать до ближайшего супермаркета, я вполне могла продержаться.

Правда, тетя так и не сумела до конца оценить все прелести моего домашнего нововведения: она то сэкономила электроэнергию и включала кондиционер лишь «на минуточку», за которую он, конечно, не мог охладить все пространство; то, наоборот, впадала в крайность и, врубив систему на минимальный режим температуры, садилась прямо под холодный поток выдуваемого воздуха и часами смотрела телевизор... Таким образом она однажды досиделась до ангины, после чего две недели мучилась, принимая антибиотики и парясь под двумя одеялами, когда меня пот прошибал даже в легкой майке. Словом, не сложилось у тети Милы с кондиционером. Она предпочитала по старинке пить зеленый чай и периодически принимать душ.

Я же с комфортом устроилась под прохладным ветерком и включила наконец DVD. Фильм назывался «Ловушка палача» и явно потакал вкусам любителей ужастиков и любовных приключений: свихнувшийся на гендерной почве маньяк собрал в заброшенном доме на острове всех девушек, которые когда-то его бросили или просто не ответили ему взаимностью, и теперь садистски медленно убивал их, наполняя по-

мещение водой, накачивая ее из подвала. Кроме того, он повесил на стены этого мрачного здания какие-то головоломки и за их решение обещал своим жертвам свободу. Однако на то он и маньяк, чтобы быть непредсказуемым. Словом, он всякий раз обламывал перепуганных девчонок с этими задачками, так что, решая их, они добивались лишь того, что он милостиво опускал уровень воды на несколько сантиметров, оттягивая их смерть. Но, поскольку головоломок имелось значительно больше, нежели мозгов у ветреных особ, гибель их была неминуемой. В конце же, как это всегда случается в кино и никогда в жизни, по совершенной случайности одной из девушек удалось подать сигнал на волю (и это – сидя на острове!), и вскоре их освободил некий благородный юноша, заплывший в это место позаниматься дайвингом, и увидел знак в виде развевающегося лифчика от купальника. Честное слово, если бы мне подали такой знак, я бы никогда в жизни не приняла его за сигнал бедствия!

Что касается головоломок, то большинство из них предназначались для школьников средних классов. Разгадать их лично мне не составило труда, и тем большее недоумение вызвали у меня девушки-пленницы: возбужденно блестя глазами и расталкивая друг друга локтями, они хором ломали голову над их решением и заходились в экстазе после каждого верного ответа. Хотя, может быть, на них так повлиял ужас ситуации – не знаю. Но то, что вся эта история показалась мне обыкновенной небылицей, родившейся в чьей-то

воспаленной голове, – это факт.

Именно так я и написала Андрюхе на кинофоруме, где мы обменивались мнениями по поводу просмотренных фильмов. Андрюха моментально настрочил ответ на полторы страницы, в котором с пеной у рта доказывал мою несостоятельность как ценителя искусства. Я спросила, не он ли соавтор сценария, на что он написал, что я, видимо, завидую, и что уж мне-то попасть в литературные соавторы никогда не светит, по причине примитивности моего мышления и неразвитой фантазии. Я намекнула ему, что фильм, видимо, задел какие-то его личные струны в душе, наступил на большую мозоль в виде неразделенных любовей. Андрюха с негодованием отверг такое предположение и довольно-таки похамски обозвал меня «холодной снобкой и дилетанткой от кинематографа». Я в ответ обвинила его в половом лузерстве, снабдив свой пост смайликом с высунутым языком, и отключила Интернет.

В этот момент послышался стук в дверь, а следом в мою комнату вплыла тетя Мила. Она была тиха и торжественна.

– Женя, – с достоинством произнесла тетя, присаживаясь на краешек дивана. – Я решила, что мне нужно развивать и отрабатывать свои экстрасенсорные способности!

– Ого! – подивилась я, даже не зная, как на это реагировать. – И как, уж прости, ты собралась их отрабатывать? Не на мне, надеюсь?

– Я хочу подать заявку на участие в следующей «Битве

экстрасенсов!»! – ошарашила меня тетя.

– Вот как? – озадаченно протянула я. – М-м-м... Тетя, а почему ты вообще решила, что они у тебя есть, эти способности?

– Ну как же! Ты же сама сказала! – обиделась тетя.

– Я? – на всякий случай уточнила я. – А что я сказала?

– Я решила проанализировать ситуацию с соседкой! – таинственным шепотом сообщила тетя Мила. – И знаешь, ты оказалась права! Помнишь, после того как она залила нас, я поднялась к ней и вежливо попросила перекрыть воду, а также спуститься к нам и посмотреть, во что превратилась наша ванная комната?

Я не очень уверенно кивнула.

– Так вот, – продолжала тетя. – Она ответила мне очень грубо и идти к нам отказалась. И тогда я – я это помню очень отчетливо! – невольно представила ее собственную квартиру, залитую водой! Ты понимаешь, к чему я веду?

– Нет, – честно призналась я.

– На другой день она мыла окна! Перемыла их все, и, как только закончила с последним, действительно пошел дождь! Все окна залило водой!

– А тетя Катя? – вставила я. – Тоже намокла?

– Да! – торжествующе воскликнула тетушка. – Она как раз пошла в магазин, и по дороге ее застал ливень! Она промокла до нитки!

– Ну, в такую жару это можно счесть даже за благо, – за-

метила я.

– Не в этом дело! – отмахнулась тетя. – Это говорит о том, что я обладаю способностью предвидеть будущее – раз! Мои мысли могут материализовываться – два!

– Круто! – сказала я, с опаской поглядывая на тетюшку. – Надеюсь, ты не замышляешь ничего такого против других соседей? Против дяди Вовы, например, который два года тому назад занял у тебя сто рублей и до сих пор не отдал?

– А это мысль! – У тети Милы как-то чертовски злорадно заблестели глаза, и она многообещающе усмехнулась.

– Да уж... – протянула я, не зная, смеяться мне или огорчаться. – С тобой теперь ухо остро нужно держать! А то еще решишь превратить меня в жабу за то, что я, к примеру, забыла купить молоко!

– А ты не забывай! – многозначительно заметила тетя и, поднявшись с дивана, величественно покинула мою комнату.

Я проводила ее со вздохом. Черт меня дернул пошутить с тетей на тему экстрасенсорики, я же знаю, что для нее это – святое! Мучайся теперь, жди, когда у нее пройдет этот заскок... И, главное, неизвестно, во что он выльется.

Я уже хотела было пройти к тете и заявить, что все это ерунда и никаких способностей к ясновидению у нее нет, как тетя вновь появилась в моей комнате с телефонной трубкой в руках.

– Вот, – сказала она, протягивая ее мне. – Держу пари –

это по твоей работе! Наверняка опять исчезнешь из дома на целую неделю!

– Спасибо, тетя, – взяв трубку, я кивнула и закрыла дверь.

– Охотникова Евгения Максимовна? – Густой мужской баритон был мне незнаком.

– Да, слушаю, – подтвердила я.

– Моя фамилия Мирошников. Я возглавляю фармакологическое объединение «Поволжск-фарм». Хочу предложить вам работу.

– Вам нужен телохранитель? – деловито осведомилась я.

– Ну, не то чтобы телохранитель... – замялся Мирошников.

– Тогда почему вы звоните мне? Я – бодигард, то есть именно телохранитель.

– Потому что я слышал о вас положительные отзывы не только как о телохранителе. Мне как раз нужен такой грамотный человек, способный держать ситуацию под контролем.

– Уж не хотите ли вы предложить мне возглавить охрану на вашем объединении? – предположила я.

– Нет, – Мирошников был очень серьезен. – У меня уже есть начальник охраны.

– Тогда зачем вам я? – продолжала я допытываться, причем вовсе не из желания поломаться, а чтобы не попасться на уловку неких моих недоброжелателей, которые вполне могли таким способом заманить меня в ловушку.

Тьфу! Зря я посмотрелась рекомендованных Андрюхой фильмов, теперь ловушки и прочие объекты для возникновения у меня острой формы паранойи будут мне мерещиться за каждым кустом. Однако моя осторожность отнюдь не являлась пустым звуком: за годы моей деятельности мне удалось обезвредить столько негодяев, что их список занял бы несколько страниц, и многие из них не прочь были бы отомстить мне за разоблачение их неблагоприятных действий. Так что предосторожность никогда не бывает лишней, тем более в моей работе.

– Вам предстоит охранять не только людей, но и кое-что еще, – сказал Мирошников. – Но по телефону я большего не могу вам сообщить. Могу лишь добавить, что заплачу хорошо.

– А вы знаете мои расценки? – поинтересовалась я.

– Да, – спокойно ответил Мирошников. – Если все пройдет благополучно, я заплачу в полтора раза больше, чем вы обычно получаете в день. Это не займет много времени, дня два-три, не больше.

– Что ж... Где мы можем встретиться? – спросила я.

– Сити-отель «Богемия» знаете?

– Возле детского парка? – уточнила я, так как отелей сети «Богемия» в нашем городе несколько.

– Совершенно верно, – подтвердил директор фармакологического объединения. – На последнем этаже располагается кафе «Парус». Вот туда и поднимайтесь. Впрочем... Лучше

пусть вас встретят у входа.

– Может, и лучше, – согласилась я. – Во сколько?

– Через полчаса, – проговорил Мирошников и положил трубку, посчитав тему исчерпанной.

Тетя Мила моментально распахнула дверь, как только я закончила разговор, и со скрытым торжеством уставилась на меня.

– Ну что? – не выдержав, спросила она, видя, что я не собираюсь ничего ей докладывать.

– Звонили по работе, – сказала я, подходя к шкафу и принимаясь рыться в нем в поисках подходящего облачения.

– И что? – затаив дыхание, продолжила тетя Мила.

– Придется уехать на пару деньков, – небрежно бросила я, доставая легкий сиреневый сарафан на тонких бретельках.

– Вот! – просияла тетя. – А я что говорила? Помнишь, что я предсказала тебе? Нет, мне определенно нужно подавать заявку на участие в «Битве экстрасенсов»!

– Тетя, может быть, тебе открыть бюро гаданий? – съязвила я. – Дать объявление: «Потомственная ясновидящая предскажет будущее по рукам. Руки присылать по адресу...»

Тетя даже не сумела на меня обидеться: настолько она была поглощена нежданно-негаданно свалившимся на нее «даром». Она даже не спохватилась, что скоро время обеда и нужно что-нибудь приготовить. Вместо этого она облачилась в платье и даже подошла к зеркалу накрасить губы, явно куда-то собираясь.

– Ты на машине поедешь? – словно бы между делом спросила она.

– Да, – отозвалась я.

– Вот и хорошо, тогда выйдем вместе, – удовлетворенно кивнула тетя.

По ее виду можно было предположить, что она задумала что-то значительное. Я даже подумала, что тетя решила прямоком рвануть в Москву, на передачу, но потом отбросила это предположение. Все-таки тетя Мила – человек основательный, она не отправилась бы в столицу вот так, налегке.

Я вспомнила, как несколько лет тому назад тетя была одержима идеей попасть на программу «Поле чудес». Готовилась она к этому очень серьезно и вдумчиво. Она составила грандиозный кроссворд, вывязав его на свитере шерстяными нитками. Свитер получился очень красивым, ярким и забавным, мне даже жалко было с ним расставаться. Но тетя была неумолима: она упаковала его и отнесла посылку на почту. С того самого дня тетя жила в ожидании чуда: вот-вот придет телеграмма, в которой окажется приглашение на «Поле чудес». Но и ждала тетя Мила не абы как. Она выволокла из кладовки целую кучу солений в банках, предназначенных на зиму. Из остатков пряжи от свитера она связала еще и шарф, перчатки и шапку с тем же рисунком. Кроме того, через день тетя Мила пекла торты и пироги с разными начинками. Все эти рукотворные шедевры должны были занять достойное место в музее «Поля чудес», а шедевры съе-

добные она планировала с аппетитом съесть в компании бес-
сменного ведущего программы. В ответ на мой резонный во-
прос: «А как ты все это в Москву повезешь?» – тетя лишь от-
махивалась. Меня терзали смутные сомнения, что она захо-
чет взять меня в сопровождающие (читай – в носильщики).

Длилась эта история где-то около полутора-двух месяцев,
так что я даже привыкла к постоянному тетиному востор-
женно-напряженному состоянию духа, к ее ежечасным про-
веркам почтового ящика и к запаху свежей выпечки. И даже
стала находить в этом положительные моменты. В конце кон-
цов, каждый день есть пироги и торты – это не так уж плохо!
А тетя, по прошествии очередных двух дней, вновь не обна-
ружив долгожданного приглашения, пекла свежие. остано-
вило меня лишь одно: когда я через некоторое время взве-
силась, то обнаружила, что поправилась на три с половиной
килограмма без каких-либо усилий с моей стороны. После
этого я сказала себе: «Стоп!», и тете пришлось управлять-
ся со своей стряпней самой. Но, поскольку умять такое ко-
личество сдобы в одиночку не под силу никому, она приня-
лась безвозмездно угощать соседей, а те, конечно, безмерно
обрадовались и в душе надеялись, что тетю не пригласят на
«Поле чудес» еще по меньшей мере ближайшие лет десять.

Собственно, примерно так и получилось: тетя наконец
устала постоянно торчать у плиты, к тому же подступило ле-
то – не самый подходящий период для пользования духов-
кой, да и другие дела и заботы закружили мою труженицу-те-

тушку. И по мере возрастания температуры за окном тетя Мила постепенно остывала, вспоминая о приглашении все реже и реже, пока наконец окончательно не предала забвению эту затею. Телеграмма ей, к слову сказать, так и не пришла, а симпатичные варежки с шарфом она подарила мне на Рождество, сочтя, что они прекрасно подходят к моему новому пуховику.

Одним словом, тетушка не решилась бы отправиться на «Битву экстрасенсов» с пустыми руками. Я не стала ее ни о чем расспрашивать, просто усадила в машину и попросила накинуть ремень безопасности. Когда мы проехали пару кварталов, тетя пожелала остановиться. Я высадила ее, но уезжать не спешила: очень мне было интересно, что же она задумала? Тетя скрылась в магазине «Водолей», специализирующемся на книжной продукции... Так как тетя сказала, что ждать ее не нужно, я с чистой совестью направила свой «Фольксваген» в сторону детского парка.

Сезон аттракционов был в разгаре. Разноцветные карусели, «ромашки», «ракеты» и прочие развлечения крутились, двигались, переворачивались, создавая атмосферу радостной суеты. Округа оглашалась детскими криками, исполненными восторгов и легкого страха. Я с завистью окинула глазами надувной желто-синий бассейн, расположенный в центре площадки. Самые маленькие карапузы забирались туда и с визгом принимались плескаться. Не отставали от них и дети повзрослее, плюхаясь в воду прямо в одежде, и даже

многие родители не уворачивались от летевших в их стороны брызг.

Остановившись возле сити-отеля «Богемия» – яркого здания в форме парусника в сине-желто-розовых тонах, – я подняла голову. Солнце ослепительно било в окна здания, оно было наполовину стеклянным. По моим прикидкам, на его двенадцатом этаже не просто жарко, а убийственно жарко. В кафе «Парус» я еще не была и подумала, что лучше бы Мирошников выбрал какое-нибудь более подходящее место для нашей встречи. Даже скамейка в детском парке, где-нибудь в тенечке, показалась мне предпочтительнее.

Решив, что, если в кафе мне станет уже совершенно невозможно, я настою на том, чтобы перенести разговор в другое место, я шагнула к дверям. У входа я сразу обратила внимание на широкоплечего мужчину с темно-русыми волосами, подстриженными под «ежик», с крупными чертами лица. Мужчина был в скверно отглаженном сером костюме и явно парился в нем. Он сосредоточенно смотрел на вход, словно дожидался кого-то, и я подумала, что он встречает как раз меня. Однако, когда я появилась в здании, он даже и ухом не повел. Я огляделась: больше никого в вестибюле не было, не считая администратора.

Я полезла в сумочку за своим сотовым, чтобы позвонить Мирошникову и уточнить, ждут ли меня вообще, как телефон вдруг запищал. Посмотрев на номер, я увидела, что это звонит сам директор фармакологического объединения.

– Алло, Евгения Максимовна? Вы где? – спросил он.

– Я, собственно, уже подъехала, – проинформировала его я. – И очень удивлена, что меня никто не встречает. Помните, вы обещали.

– Как не встречает? – удивился Мирошников. – Зайцев же уже спустился минут пять назад!

– Зайцев? – переспросила я.

– Ну да, начальник службы безопасности. Такой крупный мужчина, в сером костюме.

– А-а-а, – протянула я. – Значит, он меня и встречает? Только он пока что не понял, что это я. Ладно, дальше я сама разберусь.

Я подошла к мужчине в сером костюме и похлопала его по плечу. Он посмотрел на меня со смесью явного интереса и сожаления – видимо, по причине своей занятости – одновременно.

– Вы не меня ждете? – спросила я.

– К сожалению, я с большей охотой ждал бы именно вас, – не скрывая своего любопытства, сказал он и улыбнулся. – Но...

– Вы Зайцев? – довольно бесцеремонно уточнила я.

– Да, – удивился он. – А...

– Охотникова, Евгения Максимовна, – представилась я и кивнула в сторону лифта: – Пойдемте?

Зайцев моргнул, подхватил меня под локоть и, ведя к лифту, заговорил:

– Какая приятная неожиданность! Простите, что сразу не узнал вас! Честно говоря, я вас представлял себе совершенно иначе.

– И как именно, если не секрет? – полюбопытствовала я, пока Зайцев пропускал меня в лифт.

– Ну... Я думал, что бодигардом должна быть такая крепкая, мужеподобная бабища с густым басом, – склонившись к моему уху, доверительно сообщил он и шутливо поднял руки: – Только не обижайтесь, пожалуйста. Я уже понял, что ошибся по всем статьям!

– Пусть это окажется самой серьезной вашей ошибкой, – пожелала ему я.

– Спасибо. – Зайцев нажал на кнопку с номером двенадцать, и лифт плавно пополз вверх.

Зайцев, выглядевший внешне довольно-таки простовато, как-то по-крестьянски (и впечатление это не мог скрыть даже его серый костюм), тем не менее пытался проявлять по отношению ко мне истинно джентльменскую галантность: пропускал меня вперед, подавал руку, пытался поддерживать за талию...

– Спасибо, я и сама передвигаюсь вполне уверенно, – сбросив его руку, сообщила я, пристально глядя на него, когда он слишком уж выразительно приобнял меня. – И вообще, насколько я понимаю, охранять должны не меня, а я – кого-то?

– И я, – сообщил мне Зайцев. – Но об этом вам подробнее

расскажет Геннадий Владиленович.

– Мирошников? – уточнила я.

– Да, – подтвердил начальник службы безопасности. – А меня зовут Михаил Петрович.

Именно так незатейливо его и должны были звать – Михаил Петрович. Или, скажем, Степан Васильевич. Я не стала рассыпаться в дежурных признаниях, как, мол, мне приятно знакомство с господином Зайцевым, лишь кивнула и уверенно двинулась вперед: кафе на двенадцатом этаже имелось только одно.

Когда мы вошли в зал, из-за дальнего столика нам помахал рукой тощенький мужчина средних лет, с небрежной черной маленькой бородкой, одетый в светлую рубашку, на которой виднелись несколько пятен непонятного происхождения. Мы подошли к столику, и Зайцев заговорил первым:

– Вот, Геннадий Владиленович, встретил, понимаешь, как вы и просили... Доставил, так сказать, в лучшем виде.

– Спасибо, – небрежно проговорил Мирошников, быстро осматривая меня снизу вверх. Наверное, у него тоже, как и у Зайцева, имелись свои представления о том, как должна выглядеть женщина-телохранитель, потому что тень удивления скользнула по его лицу. Однако он никак это не прокомментировал, просто предложил мне садиться и заговорил:

– Дело очень важное! Вам следует быть очень внимательной и аккуратной...

– Может быть, вы хотите что-нибудь заказать? – влез Зай-

цев, с легким укором глядя на своего начальника.

Господин Мирошников держался сухо и деловито. Его умные серые глаза, скрытые очками с сильными диоптриями, казались отрешенными от окружающего мира и сосредоточенными на каких-то внутренних вопросах. Он был очень серьезен и не улыбочив. Внешний вид его не показался мне аккуратным, особенно смущали пятна на рубашке и съехавший набок галстук, но серьезности и деловитости ему было не занимать.

– Да, – кивнул он, нахмурившись. – Если желаете – пожалуйста!

Я отметила, что перед господином Мирошниковым стояла чашка кофе, а уже предыдущую опустевшую только что унесли. Зайцев двинулся к прилавку, затем к кассе и откуда вернулся с двумя подносами. Для себя он заказал жареное мясо с картошкой, маринованные грибы и селедку. Я даже удивилась его выбору: пить мне лично хотелось постоянно, а после всех этих солений и вовсе можно с ума сойти от жажды, но хозяин, как говорится, барин. Зайцев взял также графин сока, пирожное с кремом и чай. Мне он принес двойную порцию мороженого в глубокой креманке и чашку кофе. Я была не голодна, но с удовольствием обратила внимание на большой выбор мороженого, предложенного в меню.

В просторном зале, отделанном в минималистском стиле, было прохладно, что меня сразу же успокоило: не придется перемещаться в другое место, можно с комфортом на-

слаждаться питьем и десертом и не спеша обсуждать детали нашего предприятия. Мирошников с Зайцевым расположились за столиком у окна, и с этого места открывался отличный вид на город. Казалось бы, я давно уже привыкла к Тарасову и не очень-то обращала внимания на его красоты, как и на то, красив ли он вообще. Сейчас у меня появилась возможность заметить, что город наш все-таки очень даже ничего. Особенно летом, когда обилие зелени на фоне голубой волжской воды создавало яркую картинку летней свежести и ощущение пребывания на каком-нибудь южном курорте.

Мирошников с некоторым неодобрением взглянул на стоявшие перед Зайцевым тарелки и обратился ко мне:

– Вы готовы отправиться сегодня же?

– Простите, куда отправиться? – переспросила я, отправляя небольшие кусочки мороженого в рот и запивая их кофе.

– В Голландию, – коротко ответил Мирошников и испытующе посмотрел на меня. – Надеюсь, у вас есть загранпаспорт?

– Загранпаспорт у меня, конечно, есть, – кивнула я. – Но о визите за границу пока что речи не шло.

– Но я же сказал, что заплачу в полтора раза вашей привычной ставки, – напомнил мне Мирошников. – Думаю, это вполне адекватная доплата за дальность расстояния. Хотя Голландия, если разобраться, не так уж далеко.

– Возможно, возможно, но все же, другая страна есть другая страна, – заметила я, желая дать понять Мирошникову,

что вообще-то тут возникают определенные неудобства и его доплата за это отнюдь не является такой же завышенной – чтобы он не забывался.

На первый взгляд Геннадий Владиленович показался мне черствым сухарем, вовсе не «страдающим» из-за широты своей натуры, человеком, привыкшим четко отслеживать каждую копейку. Душа бухгалтера-экономиста жила в его довольно жалком облике книжного червя.

– Но Голландия есть Голландия! Я вполне понял бы ваше неудовольствие, если бы речь шла о какой-нибудь захудалой стране. Я же не прошу вас, например, отправиться куда-нибудь... в Либерию! Я предлагаю поездку в благополучную цивилизованную страну. Это даже не Египет и уж тем более не Таиланд, на которых в последнее время свихнулись все россияне – по непонятной мне причине. Это Европа!

– Смещение часовых поясов, акклиматизация, – спокойно перечислила я список негативных факторов. – К тому же погода там явно не радует. Видели, что по телевизору показывают? Все небо над Европой закрыто гарью и смогом!

– Вы отказываетесь ехать? – нахмурился Мирошников.

– Я пока что просто рассуждаю, стоит ли мне за полуторную ставку лишаться домашнего комфорта, – подавив зевок, ответила я.

– Решайте, пожалуйста, быстрее, – резко произнес Мирошников. – Для меня это непозволительная роскошь – тратить время на размышления. Вылет в Москву запланирован

на завтрашнее утро, оттуда – прямым рейсом в Амстердам. Документы уже подготовлены. К вечеру вы должны быть там.

– С господином Зайцевым? – спросила я.

– Не только. С вами отправится еще Дмитрий Сергеевич Ковалев, он, кстати, сейчас подойдет, я хотел вас представить друг другу. Если, конечно, вы согласны лететь. В противном случае мы зря теряем время.

– Я думаю, – поспешил вмешаться Зайцев, – что стоит рассказать Евгении Максимовне о сути дела, чтобы она получила о нем четкое представление и поняла, насколько оно простое. Геннадий Владиленович, может быть, вы все расскажете, пока Ковалев не подошел?

По глазам начальника службы безопасности я видела, что ему очень хочется отправиться в Голландию в моем обществе. Он был очень оживлен, благодушен и постоянно вставлял какие-то реплики в отличие от Мирошникова, который, напротив, сидел бука букой и постоянно поглядывал на часы.

– Хорошо, – буркнул он. – Кстати, пока вы добирались сюда, на дорогах были пробки?

– Да вроде нет, – пожала я плечами. – Я доехала практически беспрепятственно, середина дня все-таки.

– Странно, почему он так долго едет, – пробормотал Мирошников. – Ведь я его послал в район цирка, это в пяти минутах отсюда.

– А он звонил? – спросил Зайцев.

– Да, минут десять назад. Сказал, что уже в пути.

– Ну значит, скоро будет! – оптимистично махнул рукой Зайцев.

Вопреки своей фамилии Михаил Петрович больше напоминал мне добродушного медведя, только не такого неуклюжего, как настоящий мишка. Он, не смущаясь, отправил в рот большую ложку маринованных грибов, с аппетитом захрустел ими и принялся за картошку с мясом. Мирошников искоса бросил на него недовольный взгляд, поморщился и перешел к делу.

– Наше фармакологическое объединение имеет связи с одной голландской компанией, – начал он. – Они изготовили образцы одного препарата, который мы уже здесь должны довести до ума и превратить в лекарство. Очень хорошее лекарство, оно помогло бы многим больным. Оно еще не готово, пока только в разработке. Рабочее название – троянус. Образцы эти очень ценные, их немного – слишком уж тонкая технология производства, у нас в стране недостаточно средств для этого. И, как вы понимаете, я не могу рисковать и отправить их без сопровождения. Поэтому в Амстердам должны отправиться три человека: Дмитрий Сергеевич Ковалев, Михаил Петрович и вы. В Амстердаме вы пойдете по указанному адресу, где получите пробирки с образцами. Ваша задача – упаковать их в контейнер и не спускать с них глаз. Увы, в Амстердаме вам придется переночевать, тут уж ничего не поделаешь. На следующий день вы вылетаете обратно в Москву, а оттуда – напрямик в Тарасов. Все это вре-

мя образцы находятся у вас, вы за них отвечаете. Все трое! – подчеркнул Мирошников. – К вам же, Евгения Максимовна, такое требование: следить, чтобы образцы, упаси бог, не украли, не потеряли или не испортили.

– А упаковывать в контейнер – тоже моя задача? – спросила я. – Предупреждаю сразу, что я не химик и не фармацевт и не знаю, как правильно это делать.

– Нет-нет, – пояснил Мирошников. – Это задача Ковалева, он как раз химик по образованию, это все по его части. Равно как и звонки, и переговоры с голландцами. Главное – довести образцы в целости и сохранности, это ваша задача. Здесь, в Тарасове, вы довозите их до нашего объединения и передаете нам. Я проверяю груз, и, если все в порядке, вы получаете свои деньги и спокойно отправляетесь по своим делам. Все понятно?

– А как мы будем связываться друг с другом в Голландии? На всякий случай нужна постоянная связь.

– Я продумал это, – кивнул Мирошников и, достав портмоне, вынул сотовый телефон и протянул его мне: – Это вам, на время вашего пребывания в Голландии, как раз для связи с Ковалевым и со мной. Они снабжены такими же телефонами, номера их вы сейчас получите.

Я взяла телефон, но не положила его в сумку.

– Ну что? – посмотрел на меня директор объединения. – Договорились?

– Почти, – склонила я голову к плечу и поймала встрево-

женный взгляд Зайцева.

– Что еще? – спокойно спросил Мирошников.

– Аванс. Часть обещанной вами оплаты я хочу получить вперед. С вашей стороны ведь тоже могут возникнуть непредвиденные накладки!

Мирошников чуть подумал и утвердительно кивнул:

– Хорошо. Вы получите аванс.

В это время сзади послышались шаги, и на лице Мирошникова появилось облегчение. Я обернулась: к нашему столику торопливо подходил мужчина лет сорока пяти, несколько полноватый, но при этом подтянутый, с симпатичным загорелым лицом и светло-русыми волосами.

– Дмитрий Сергеевич, что же вы так долго! – укорил его Мирошников.

– Дела, дела, к тому же пробки, прошу прощения, но зато все сделано, – скороговоркой произнес белокурый Дмитрий Сергеевич, бесцеремонно наливая себе полный стакан сока из графина, принесенного Зайцевым. Он в несколько крупных глотков выпил сок и поставил стакан на стол. – Фу-у-ух, – протянул он, качая головой и ослабляя ворот рубашки. – Эта жара меня доконает!

– И почему бы нам не сотрудничать с Исландией? – подмигнул мне Зайцев с улыбкой. – Там бы вы точно отдохнули от жары!

– Потому что в Исландии нет развитой фармакологической промышленности, Михаил Петрович, – снисходитель-

но бросил блондин. – Впрочем, вас это не интересует.

Зайцев открыл было рот, но тут вступил Мирошников:

– Знакомьтесь, Дмитрий Сергеевич, вот это и есть Евгения Максимовна Охотникова, о которой я вам говорил. Евгения Максимовна, Дмитрий Сергеевич Ковалев будет вашим спутником в Амстердаме. Он отвечает за организационные вопросы.

Ковалев мельком взглянул на меня, ничуть, кажется, не удивился и вообще никак не выразил своих эмоций. Он лишь сказал:

– В аэропорту нам нужно быть завтра утром, в половине восьмого. Так что постарайтесь не опаздывать.

– Я вообще стараюсь никогда не опаздывать, – заметила я. – Если, конечно, еду на значимую для меня встречу.

– За вами заехать? – живо осведомился Зайцев.

– Спасибо, я вызову такси, – отказалась я.

– Ну зачем же такси! – не унимался начальник службы безопасности. – Я сам могу за вами заехать! Для меня это ничего не стоит и даже будет приятно. Вы где живете?

– В квартире, – ответила я, мило улыбнувшись и бросив взгляд на часы, после чего переключилась на Мирошникову: – Значит, Геннадий Владиленович, сегодня мы прощаемся, не так ли? Завтра к половине восьмого я буду полностью готова. Билеты на обратный путь уже заказаны?

– Я сейчас же закажу их по телефону, если вы обо всем договорились, – сказал Ковалев, вопросительно глядя на Ми-

рошникова.

– Договорились, – ответил тот. – Кстати, Дмитрий Сергеевич, выдайте Евгении Максимовне деньги в счет аванса, – и он назвал сумму, ровно пятьдесят процентов от оговоренной им ставки за мои услуги.

Положив деньги в сумочку, я поднялась, собравшись покинуть кафе «Парус», и Зайцев тоже поднялся.

– Я вас провожу, – заявил он, беря меня под руку, но его порыв остановила холодная реплика Мирошникова:

– Сядьте, Михаил Петрович, я еще не дал вам всех указаний!

Зайцев с сожалением опустил обратно на стул, я же направилась к выходу. Много времени сборы не займут, учитывая короткую продолжительность нашего путешествия, но все же кое-какие приготовления сделать надо. И я, сев в свой «Фольксваген», поехала домой.

Тетя Мила была уже дома. Я застала ее сидящую в гостиной. С увлеченным видом она листала книги, обложившись ими со всех сторон. При моем появлении тетя не вскочила, не кинулась в кухню подогревать для меня обед как обычно. Она даже не поинтересовалась, хочу ли я есть... Вместо этого тетя Мила едва оторвала голову от своего чтения и рассеянно произнесла: «А, это ты, Женя!» Как будто, кроме меня, мог прийти кто-то еще!

– Да, это всего лишь я, – мне пришлось подтвердить ее «гениальную» догадку. – Зашла сказать, что уезжаю на пару

дней.

Тетя моментально преобразилась, отложила в сторону толстенную книгу, похожую на старинный фолиант, и повернулась ко мне.

– Вот! – подняв указательный палец, произнесла она. – Именно это я и предсказывала.

– Тетя Мила, – мягко проговорила я, присаживаясь на стул и мельком просматривая книги, лежавшие на столе. В основном это были издания по экстрасенсорике и биоэнергетике. – Ты же говорила что-то о неделе...

– Неделя, два дня – разница несущественная! – заявила тетя. – Главное, что я верно определила самую суть событий.

– Но ее не так уж сложно определить, – усмехнулась я. – Чаще всего, когда мне звонят по работе, я на несколько дней пропадаю из дома. Не нужно быть ясновидящей, чтобы это предугадать. Обычная логика.

Но тетю явно не устраивало столь прозаическое объяснение.

– Вот здесь, – ткнула она пальцем в самую толстую книгу, – все написано!

– Подожди, а откуда это у тебя? – обратила я внимание на то, что книга довольно затертая и зачитанная в отличие от остального набора свежееотпечатанных экземпляров. – Ну, с этими все понятно – ты их в «Водолее» купила. А эта книга откуда взялась?

– Эту книгу мне дала одна женщина, с которой я познако-

милась в магазине, – сообщила тетя Мила. – Мы столкнулись у прилавка, разговорилась, и она мне рассказала, что давно увлекается всякими... необъяснимыми явлениями.

– Я надеюсь, ты не дала ей наш адрес? – мрачно поинтересовалась я, довольно невежливо перебив любимую тетю.

– Конечно же, нет! Я дала ей наш телефон! – огорошила меня тетя.

– Домашний? – мрачно уточнила я.

– Ну да! Не понимаю, Женя, отчего ты так тревожишься?

– Просто у нас с тобой разные поводы для волнений, – со вздохом пояснила я. – Меня твоя опрометчивость занимает куда сильнее, чем перспективы глобального потепления. Тетя, я хочу тебя лишь строго-настрого предупредить: во время моего отсутствия никому не открывать дверь! Никому! Даже если этот человек скажет, что его якобы прислала программа «Битва экстрасенсов» для интервью, потому что слава о твоих талантах уже стремительно докатилась до самой столицы.

И я отправилась в душ. Освежившись под упругими струями прохладной воды, я направилась в свою комнату. Собралась я быстро: кое-что из белья, пара футболок, джинсы и несессер с набором парфюмерно-гигиенических средств. Ну и, разумеется, кое-что из арсенала бойца экстра-класса – без этого я к работе не приступаю. Через полчаса я была готова к путешествию. А так как его запланировали на завтрашнее утро, у меня оставалось время, чтобы предаться беспеч-

ному безделью, чем я с удовольствием и занялась. Парочка пустыньких, но приятных фильмов на DVD, кофе с мороженым, коробка сока и журнальчик на сон грядущий отлично скрасили мое уединение. Тетя Мила безвылазно сидела в своей комнате. Я не знала, когда она собирается ужинать и собирается ли вообще. Есть мне не очень хотелось, и я, решив, что стакана сока в летних условиях вполне достаточно на ночь, со спокойной совестью отправилась спать.

Наутро тетя Мила, надо отдать ей должное, наконец вышла из своей комнаты, чтобы накормить меня завтраком и проводить. Выражение лица ее, правда, было задумчивым и отрешенным, но фаршированные грибами яйца и овощной салат оказались, как всегда, отменными, что в очередной раз подтвердило: опыт – штука сильная. После завтрака тетя «на автомате» вымыла посуду и вышла вслед за мной в прихожую.

– Жень, будь осторожна, – напутствовала она меня. – Особенно береги желудок и свою сумку.

– Я всегда подозревала, что эти вещи взаимосвязаны, – пробормотала я, целуя тетю на прощание в щечку. – Я очень прошу: ты тоже будь осторожна. И помни о том, что я тебе сказала. Не впускай в дом посторонних людей, даже если они представятся тебе представителями ордена тамплиеров и пообещают безвозмездно раскрыть многовековые секреты своих предков!

– Ну что ты, Жень! – воскликнула тетя Мила. – Я всегда

настороже!

Я лишь вздохнула, дав себе мысленно слово – звонить тете регулярно в течение дня и спрашивать, как дела.

В аэропорту я оказалась в двадцать шесть минут восьмого. Когда я отправляюсь куда-либо по делу, за которое несу ответственность, то предпочитаю лучше прийти немного раньше, чем опоздать. Это идя на легкомысленное любовное свидание женщина вполне может припоздниться. Начальник службы безопасности Зайцев, для которого наша поездка, кажется, совмещала обе функции, уже топтался у входа и кого-то высматривал. Можно было даже не заключать пари – именно меня. Увидев, как я выхожу из такси, он радостно замахал мне своей ручищей и быстро пошел мне навстречу.

– Позвольте принять ваш багаж? – осведомился он.

– Да у меня, собственно, только это, – я помахала сумкой, которую свободно держала одной рукой. – Весь багаж.

– Да? – Зайцев казался разочарованным. – Я был уверен, что женщина в путешествие таскает с собой сумки, намного превышающие ее собственный вес!

– Ну, я же еду по делу, а не на курорт, – заметила я. – Зачем мне лишние тяжести?

Зайцев неопределенно развел руками, а я подумала, что он наверняка не воспринимает меня всерьез в качестве охранника. Что ж, это его право так думать. Геннадий Мирошников, полагаю, прибыл сюда даже раньше Зайцева. Для

него, видимо, на первом месте – дело. Почему-то я была уверена, что он-то не посчитал нашу встречу обычным свиданием.

Дмитрий Сергеевич Ковалев появился с опозданием на пятнадцать минут. Видимо, это его коронная традиция. Геннадий Владиленович Мирошников весь извелся в ожидании своего зама, на которого была возложена столь ответственная миссия, он нервничал и смурнел с каждой минутой все больше и больше. Увидев Ковалева, не спеша шествовавшего по залу с небрежно перекинутой через плечо спортивной сумкой, увешанной яркими наклейками, блестящими замочками и карманчиками, он чуть не лопнул от злости.

– Где вы пропадаете, Дмитрий Сергеевич? – прошипел он, подскочив к Ковалеву и бесцеремонно дергая его за рукав.

– Пробки, – ничуть не смущаясь, спокойно ответил Ковалев и смерил своего начальника несколько насмешливым, как мне показалось, взглядом.

Мирошников ничего не ответил, лишь пробурчал себе под нос что-то нелицеприятное, после чего повернулся ко мне и спросил:

– Вы все запомнили, Евгения Максимовна?

– Да. Тем более что объем информации не такой уж большой. Но меня интересуют кое-какие детали.

– Спрашивайте! – кивнул Мирошников.

– Во-первых, адрес заведения, где нам должны выдать образцы, – сказала я.

– Вандербильд-страат, двадцать семь, – продиктовал Мирошников. – Это филиал факультета естественных наук.

– Во-вторых, маршрут, которым мы доберемся до отеля.

– На прямом поезде, он приходит на главный железнодорожный вокзал Амстердама. Поезда отправляются круглосуточно, в часы пик ходят три-четыре поезда в час, с часу до пяти утра – один поезд в час. Стоимость проезда – около четырех евро, время в пути – двадцать минут. Поезда отходят, как правило, с платформы номер три. Все платформы находятся под землей, под главным холлом аэропорта. Купить билет можно в одном из желто-голубых автоматов, – без запинки отчеканил Мирошников.

– Вы это специально выучили? – не без удивления спросила я.

– Да, – просто ответил Геннадий Владиленович. – Дмитрий Сергеевич и Михаил Петрович также должны знать это наизусть. И не только это, а и другие, не менее важные «мелочи».

И он окинул своих подчиненных вопросительным взглядом. Зайцев лишь хохотнул и почесал круглый затылок, а Ковалев несколько досадливо махнул рукой – дескать, знаем мы все.

– Название отеля? – прищурившись, посмотрела я на Зайцева.

Тот засуетился, нахмурился, захлопал себя по карманам и вытащил наконец на свет божий потрепанную записную

книжку.

– Отель «Парк Плаза Виктория Амстердам», – тем временем снисходительно проговорил Ковалев. – Расположен в историческом здании напротив Центрального вокзала. Роскошная обстановка, оздоровительные процедуры...

– Вот! – обрадованно повернулся ко мне Зайцев и, разводя руками, произнес, оправдываясь и обращаясь уже к Мирошникову: – Да у нас же все записано, зачем наизусть запоминать-то? Тем более мы будем все вместе, не потеряемся!

Мирошников сдвинул тонкие брови и проговорил:

– Я предупреждал, Михаил Петрович, что нужно быть готовым к любому развитию событий! Вы даже не удосужились сделать такую элементарную вещь, как выучить название отеля?!

– Да на кой оно мне? – искренне удивился Зайцев. – Главное, что оно в документах прописано! И номера забронированы. Значит, нас оттуда никто не выгонит!

– Надеюсь, вы не забудете, с какой целью вы останавливаетесь в этом отеле, и не станете злоупотреблять оздоровительными процедурами? – холодно произнес Мирошников.

– Я, Геннадий Владиленович, над химикатами сутками не сижу, а веду здоровый образ жизни, так что в дополнительных процедурах не нуждаюсь, – парировал Зайцев, демонстративно поиграв своими внушительными мускулами и окидывая выразительным взором тщедушную фигуру директора фармакологического объединения.

Мирошников проглотил намек со скучным видом, посмотрел на часы и произнес:

– Скоро посадка. Повторяю: ни на секунду не забывайте о деле, по которому вы едете! В Голландии соблазны на каждом шагу. Не поддавайтесь им!

– Эх, а я-то мечтал там оттянуться на полную катушку! – протянул Зайцев, подмигнув мне.

Мирошников одарил его крайне неодобрительным взглядом и проговорил:

– За образцы отвечаете головой. Ступайте на посадку. Через два дня жду всех обратно. – И неожиданно с пафосом воскликнул: – Да поможет нам Бог!

Я видела в Мирошникове безнадежного атеиста, поэтому несколько подивилась подобному восклицанию и списала его на счет нервного возбуждения директора «Поволжск-фарм». Кивнув ему на прощание, я двинулась к месту регистрации. Зайцев затопал рядом со мной, Ковалев, подхватив свою выпендренную сумку, легкой походкой последовал за нами. Через сорок минут самолет взмыл в небеса.

Зайцев, сидевший в самолете между мной и Ковалевым, всю дорогу пытался балагурить и заигрывать со мной, а также шутить с молоденькой стюардессой, которая сдержанно улыбалась его топорным шуткам. Я отделялась однозначными ответами и делала вид, что дремлю. Ковалев, занявший место у окна и не проявивший джентльменского ве-

ликодушия, чтобы уступить его мне, отвернулся к иллюминатору, а когда Зайцев достал его и там, пытаясь потеснить Дмитрия Сергеевича и заглянуть через его плечо на проплывавшие внизу пейзажи, уткнулся в ноутбук и прикинулся глухонемым. В конце концов, оставшись без собеседников, Зайцев наконец утих и нахохлился.

В Москве все время ушло на переход на другой рейс и подготовку к нему. Так как дорога заняла всего лишь около часа, никто не успел проголодаться, поэтому мы не рвались в местный буфет. Даже Зайцев, помня, видимо, о запредельных ценах в столичных заведениях общепита, не предпринимал никаких попыток затащить меня туда. На прогулку по Москве времени не осталось, да меня это и не расстроило. В Москве я бывала очень часто и все культурные сайты столицы изучила еще в детстве. Что же касается современных реалий, то и они были мне хорошо известны и не представляли особого интереса. По сути, все то же самое, что и у нас, только увеличенное в несколько раз – размеры, пробки, цены... Поэтому мое нынешнее посещение столицы ограничилось в основном пребыванием в Шереметьеве.

В Амстердам мы летели экономклассом – Мирошников показал себя человеком бережливым. Впрочем, как мне показалось, бережливость эта была качеством избирательным и распространялась лишь на вещи, которые он считал несущественными.

Тут мне повезло: я получила место у окна. А вот Зайце-

ву пришлось устроиться с краю. Нельзя сказать, что соседство белокурого самовлюбленного Ковалева было мне так уж приятно, но это, по крайней мере, избавляло меня от неуклюжего и навязчивого преследования Михаила Петровича. Хотя Зайцев, которому наверняка пришлось сегодня подняться очень рано, уже успел притомиться и не проявлял такой жажды общения, как во время перелета в Москву. К тому же стюардесса, к которой он попробовал было обратиться с каким-то вопросом, не понимала по-русски ни слова и лишь любезно улыбалась застывшей улыбкой, словно жизнерадостная кукла, так что Михаил Петрович махнул рукой, поворочался, пристраивая голову на спинке кресла, и, в конце концов, задремал. Что же касается Ковалева, то за всю дорогу он не произнес ни слова, что меня вполне устраивало.

Перед посадкой в Схипхолье он толкнул Зайцева в бок. Тот спросонья завертел крупной головой, пытаясь сообразить, что происходит. Правда, пришел он в себя быстро и даже попытался взять у меня сумку. Плюнув (мысленно), я не стала ему возражать.

Покинув аэропорт Схипхол, мы направились на станцию. До отеля «Парк Плаза Виктория Амстердам» мы добрались очень быстро, на поезде, тем самым маршрутом, который с такой четкостью описал нам Геннадий Владиленович Мирошников.

Глава 2

Роскошный вестибюль отеля с куполообразной крышей походил скорее на холл в театре или крупном музее. Сходство довершали огромная хрустальная люстра под потолком и выложенный мраморной мозаикой пол. Я отметила, что Мирошникову пришлось раскошелиться, и тут же нашла для себя этому объяснение: он слишком дорожил образцами, которые мы должны получить, чтобы поселить нас в какой-нибудь сомнительной забегаловке низкого пошиба. Он не хотел рисковать, а отель «Парк Плаза Виктория Амстердам», с точки зрения его репутации и благополучия, был безупречен. К тому же в номере, как выяснилось, имелся сейф для хранения особо ценных вещей. Наверное, Мирошников рассчитывал, что им мы и воспользуемся. Да и располагался отель в предельной близости от вокзала, так что и в этом отношении риск не довезти образцы, которые для Мирошникова, кажется, были дороже матери родной, сводился к минимуму.

Я сразу же поднялась к себе, в номер двести восьмой, а всего их в отеле было триста шесть. Со своими спутниками я договорилась встретиться через час внизу, в местном мини-баре. Собственно, есть мне уже хотелось. Однако когда я, приняв душ и немного передохнув на постели с бельем премиум-класса, спустилась в бар, выяснилось, что время шведского стола уже закончилось, а время ланча еще не подошло.

Я остановилась в вестибюле, дожидаясь Зайцева и Ковалева. После того как мы определимся с обедом, планировалось проехать на Вандербильд-страат для выполнения нашей основной задачи – получения образцов препарата под рабочим названием «троянус». За это время Ковалев должен был созвониться с голландскими разработчиками, сообщить о нашем благополучном прибытии и договориться о встрече. Однако все оказалось не совсем так, как я предполагала. Накладки и непредвиденные ситуации начались практически сразу по прибытии.

Подошедший вскоре Зайцев, довольно-таки бодрый и даже побрившийся, выглядел как огурчик. По его виду было ясно, что он готов к выполнению задания. Но появившийся с десятиминутным опозданием Ковалев выглядел хмурым. На мое замечание о том, что в настоящий момент бесплатно пообедать в отеле не удастся, он лишь равнодушно кивнул и произнес:

- Произошли изменения.
- Что такое? – сейчас же нахмурился и Зайцев.
- К сожалению, образцы пока еще не готовы. Произошла техническая задержка. Придется подождать.

На лице Зайцева читалось, что он не очень-то расстроен подобным поворотом дела: перспектива задержаться в Голландии в приятном обществе казалась ему не такой уж скверной. Я же отнеслась к сообщению Ковалева более серьезно.

– Сколько придется ждать? – спросила я Дмитрия Сергеевича.

– День-другой, – ответил тот. – Они обещали позвонить сразу же, как только образцы будут готовы.

– А почему они не готовы?

– Я же говорю – техническая задержка, – терпеливо повторил Ковалев, умело скрывая раздражение. – Если я начну объяснять вам все подробности химических процессов, боюсь, перегружу ваш мозг и отниму у вас кучу времени, которое вы могли бы потратить с куда большим комфортом.

Я не стала спорить с этим скрытым хамом, хотя у меня создалось сильное впечатление, что Дмитрий Сергеевич откровенно пудрит мне мозги. А может быть, и Зайцеву тоже. Но Зайцеву, по всей видимости, было на это наплевать. Я решила занять выжидательную позицию, но кое о чем спросила, надеясь поймать Ковалева на вранье.

– Вы проинформировали об этом Мирошникова? – поинтересовалась я.

Ковалев смерил меня снисходительным взглядом и бросил:

– Разумеется.

– Наши действия на ближайшее время? – прищурилась я. Ковалев пожал плечами и мягко улыбнулся:

– А какие тут возможны действия? Ждать, и все. А чтобы скрасить ожидание, есть много способов – это уж как вам фантазия подскажет. Прогуляйтесь по городу, ознакомь-

тесь с местными достопримечательностями, посетите водные экскурсии... В музеи ходить не советую – откровенно говоря, там скука смертная, не стоящая тех денег, которые за них дерут. Могу предложить воспользоваться путеводителем по городу на русском языке, у меня как раз имеется подобный экземпляр.

И он достал карманное издание в мягком переплете и протянул мне.

– И когда же вы успели им обзавестись? – полюбопытствовала я.

– Еще дома купил, на всякий случай, – спокойно ответил Ковалев. – Как видите, пригодился. Словом, развлекайтесь нежданно свалившимся на голову отдыхом, будьте как дома, но не забывайте, что вы в гостях и по делу.

И он улыбнулся еще шире, давая понять, какая редкая удача нам выпала. Сам Дмитрий Сергеевич, гладко выбритый и благоухающий дорогим парфюмом, являл собою вид человека, готового с максимальным комфортом воспользоваться внезапным «окном» в работе.

– А как Геннадий Владиленович воспринял такую новость? – не спешила я отстать от него.

– Как нормальный деловой человек, – ничуть не смутившись, ответил Ковалев. – Это же обычный рабочий момент, к которому всегда нужно быть готовым. Неприятно, но не более того. Ну, я вас обо всем предупредил, а теперь... – он посмотрел на швейцарские наручные часы, – лично я соби-

раюсь отправиться в кафе и пообедать. Могу предложить составить компанию, если вы не возражаете. Если же у вас есть своя культурная программа...

– Есть! – живо перебил его Зайцев, радостно подхватывая меня под локоть и увлекая в сторону выхода. – Не переживай, мы найдем, чем заняться.

– В шесть встречаемся в отеле! – ухмыльнувшись одними уголками губ, крикнул нам вслед Ковалев. – И не слишком расслабляйтесь. Мирошников был прав: здесь соблазны на каждом шагу.

– Не бойсь, Сергеич! – уже в дверях махнул рукой Зайцев и буквально выпихнул меня на улицу.

– Ну и какая же у вас предусмотрена культурная программа, позвольте узнать? – насмешливо спросила я, наблюдая, как, пребывая в радостном предвкушении, Зайцев потирает руки.

– А что тут голову ломать? – легкомысленно отозвался Михаил Петрович. – Я не люблю планировать заранее. Сейчас по ходу дела и разберемся. Для начала, полагаю, нам стоит пообедать. Я, признаться, здорово хочу есть!

– Хорошая мысль, – одобрила я. – Куда направимся?

Зайцев огляделся. Нас окружали вывески на нидерландском языке, которого он, по его признанию, не имел чести знать и которым, думается, не успел овладеть за время нашего короткого пребывания здесь.

– Пошли вперед! – оптимистично мотнул он головой,

увлекая меня за собой.

Пока мы топтались у входа в отель, нас обогнал своей пружинящей походкой Дмитрий Сергеевич, одарив Зайцева легкой усмешкой.

Я не торопилась. Раз уж действительно нам довелось задержаться в Амстердаме, не стоит спешить и надо в полной мере насладиться пребыванием на этой земле. В Голландии я не бывала уже давно. Да и в прошлый раз мне не удалось осмотреть все как следует, с толком и расстановкой. Сейчас как раз можно наверстать упущенное.

Зайцев, не мудрствуя лукаво, притащил меня в ближайшее кафе, попавшееся нам по дороге. Ознакомившись с меню и прејскурантом и ничего из него не поняв, кроме цифр, он лишь крякнул и любезно протянул листки мне, представив даме самой сделать выбор. Кое-какой опыт и знание нескольких языков позволили мне остановиться на гороховом супе с копченостями, а также на овощном рагу с мясом. На десерт я облюбовала вишневый пудинг. Получился такой традиционный национальный нидерландский набор. Зайцев, внимательно изучив мой заказ, не стал ломать голову и повторил его – с единственным изменением: присовокупил к нему двести граммов джина, который незамедлительно и употребил.

– А говорят, что у них тут наркота на каждом шагу, – раскрасневшись, заметил он, прихлебывая горячий суп. – И педики. А я пока что ничего такого не заметил.

– Вы же их и не ищите, – бросила я. – А вот если бы захотели, непременно бы обнаружили и то и другое.

– Будьте уверены, не захочу! – отрезал Зайцев. – Мне этой погани и даром не надо!

Он с остервенением сунул в рот очередную ложку, обжегся и поморщился.

– Обычный суп, – констатировал он. – Я и сам такой сварю в два счета!

– Вы хороший кулинар, – сделала я ему дежурный комплимент, от которого лицо Зайцева расплылось в довольной улыбке. – О себе я такого, увы, сказать не могу.

– Так я вас научу! – с живостью воспрял Михаил Петрович. – Это же совсем просто!

– Благодарю, у меня, если понадобится, учитель всегда под рукой, – открестилась я, не уточнив, что под учителем подразумеваю собственную тетю, которую увлечение экстрасенсорикой, как я надеялась, не отвратит раз и навсегда от любимого занятия кулинарией. Кстати, не мешало бы позволить тете и проверить, как там у нее обстоят дела и не явилось ли ей видение – продать, например, нашу квартиру за пять тысяч рублей и переехать куда-нибудь в сибирскую деревню, где и заняться целительством? Шутка, конечно, но чем черт не шутит...

– Тоже мне, голландская кухня! – фыркнул Зайцев, приступая ко второму блюду. – Это ж обычная картошка с мясом! Сперли у нас рецепты – и радуются!

– Истинно голландскими продуктами являются сыр и селедка, – улыбнувшись, просветила его я. – А вообще голландская кухня не отличается разнообразием и особыми изысками в отличие от Франции, к примеру.

– Лучшая кухня в мире – русская! – категорично заявил Зайцев, тем не менее с аппетитом приканчивая мясное рагу. – Ну, еще украинская. У меня тетка хохлушка, она такой борщ с пампушками варит – пальчики оближешь!

– Борщ вам здесь точно не подадут, – пообещала я. – Вот вернетесь – отведете душу. А Дмитрий Сергеевич как относится к еде? – невзначай перевела я разговор на другую тему, поскольку меня все-таки заинтересовало поведение Ковалева.

– Дмитрий Сергеевич считает себя гурманом, – объявил Зайцев с оттенком насмешки. – Хотя, я думаю, что он просто привереда!

– А дома кто ему готовит? Жена?

– Нет у него никакой жены, – сообщил мне Зайцев и злобно добавил: – Его поганый капризный характер ни одна женщина не выдержит! К тому же он себя считает неотразимым, потому и меняет подруг постоянно. А жить он любит один, поэтому, как только очередная пташечка начинает его ненавязчиво арканить, перевозя в его хату свои тапочки и зубную щетку, он очень быстро ее спроваживает, обрубая все концы. Ну и конечно, начинаются слезы, сопли, заламывания ручек и восклицания: «Я тебе так верила, а ты – под-

лец и негодяй!»

– Вы так натурально это описываете, словно лично присутствовали при подобных сценах, – заметила я.

– Пару раз присутствовал, – хохотнул Зайцев и склонился через стол ко мне. Глаза его заблестели.

Было очевидно, что ему не терпится посплетничать. Я не возражала: проводить время с Зайцевым – не столько интересно, сколько полезно в плане получения информации. Я еще не знала, пригодятся мне эти сведения или нет, но непредвиденная задержка на день-два в Амстердаме (по не очень убедительной, как мне показалось, причине) заставляла насторожиться. А кто предупрежден, как известно, тот вооружен. Так что пусть Михаил Петрович рассказывает все подряд, а я уж потом разберусь, где там мухи, а где – котлеты. Он доверительно продолжил:

– Как-то Ковалев мне позвонил, вечером уже, после работы. А я тогда дежурил в объединении, меня Геннадий Владиленович попросил. Ну, просит он меня приехать, а у самого голос такой... Растерянный, что ли, будто он не знает, что и делать. Словом, я никогда у него такого голоса не слышал. А в чем дело, не говорит, дескать, просто ему нужна моя помощь. Геннадий Владиленович мне и говорит – поезжай. Подскочил я к нему, а там груда посуды – все разбито, вокруг осколки, – тряпье какое-то, в кучу сваленное, а на этой куче мамзель какая-то восседает, глаза трет и сопли размазывает. А у самой в ручке нож зажат! Я к Ковалеву

– что за дела? Он мнется, а сам, вижу, боится до дрожи и шепотом мне говорит: мол, он аккуратно сообщил девочке, что их встреча, мол, была во всех отношениях приятной, но все, увы, рано или поздно заканчивается, вот и наш союз подошел к концу. А та ни в какую уходить не желает. Я, говорит, сервиз семейный уже купила и в сервант поставила, да и кошечку свою любимую сюда перевезла. Следовательно, все права имею считаться законной супругой!

Зайцев весело посмотрел на меня. Я кивнула, давая ему понять, что с интересом слушаю. Зайцев расправил плечи. По-видимому, начиналась самая приятная для него часть истории, и он намеренно затянул паузу, предвкушая долгий подробный рассказ.

– Я ей объясняю: мол, нет проблем, мадмуазель, кошечку-то мы вам обратно перевезем, в наилучшем виде, да и сервизик свой можете забрать. Дмитрий Сергеич возражать не будут. А у Дмитрия Сергеича от страха коленки подрагивают, кивает он: дескать, натурально, возражать не станет и никаких претензий не имеет ни на сервиз, ни на кошечку, хоть она как-то раз и оцарапала его лощенное лицо, а он-то кошачьи витаминки ей покупал пару раз – на личные средства. Я в ответ тоже киваю, а сам к дамочке потихоньку подхожу. Мы ее этими ласковыми манерами с панталыку сбили маленько, и тут я ее за ручку – хватить! Легонько кисть повернул и ножичек отобрал. Зачем, говорю, он вам, не дай бог, еще поранитесь! Да и этот Ковалев, говорю, вам зачем? Он

же эгоист и маменькин сынок! Ноготки полирует, словно ба-
рышня! Тут она обмякла, на грудь ко мне упала и заревела.
Я ее утешаю, по плечу хлопаю и незаметно Ковалеву киваю.
Тот уж все сообразил, в чемоданчик ее вещички живенько
покидал, кошечку в корзинку посадил и стоит наготове. Я
вещички подхватил и дамочку к выходу тесню. А она ревет
и все мне сквозь слезы доказывает, как нагло этот подлец ее
обманул и отнял веру во все лучшее. Я ее вниз веду, а сам
говорю: прекрасно понимаю боль вашей души, таких гадов
просто выжигать нужно каленым железом! Ну, в машину ее
посадил, она и притихла. До дома ее доставил благополучно,
вещи на пятый этаж поднял и до самой квартиры ее прово-
дил. Она, конечно, благодарила, что я так хорошо понял ее,
приглашала войти. Я, разумеется, не мог оставить женщину
в таком состоянии и вошел...

Зайцев сделал выразительную паузу, явно рассчитывая на
то, что я непременно спрошу, что же произошло дальше. Вы-
яснять это у меня не было никакого желания, но, дабы не
разочаровывать его, я все же спросила, пряча улыбку:

– И что?

– Ничего, – загадочно усмехаясь, ответил он, глядя на ме-
ня очень многозначительно.

– Я так и думала, что ничего, – теперь уже открыто улыб-
нулась я с протяжным вздохом.

Зайцев горячо заговорил:

– Да она потом еще полгода мне названивала, проходу не

давала! Хотела, чтобы я на ней женился. У меня, говорит, папа в адвокатуре – второй человек. Карьеру вам, Михаил Петрович, обеспечит, о какой только мечтать можно.

– И что же вы? Отказались?

– Естественно! – с гордым видом отрезал Зайцев.

– Зря! – качая головой, резюмировала я. – Могли бы сейчас стать... третьим человеком в адвокатуре, ездили бы на личной иномарке и попивали коньячок в собственном особнячке. А столь презираемый вами Дмитрий Сергеевич Ковалев оказался бы у вас на побегушках. И всего-то за такие великие блага вам пришлось бы периодически сокрушаться в унисон возгласам вашей супруги по поводу того, как обмелечал ныне сильный пол, какие же все мужики козлы вообще, а Дмитрий Сергеевич Ковалев – в частности, и как ей повезло: встретить столь редкостный и достойный экземпляр – в вашем лице. И этого ей хватило бы выше крыши.

– Я глупыми девчонками не интересуюсь, – надувшись из-за того, что я не оценила его благородства, сообщил Михаил Петрович. – К тому же теми, кого мне приходится подбирать после Ковалева!

Последний пункт, видимо, был решающим и к тому же изрядно задевающим самолюбие Михаила Петровича, если, конечно, он всю эту историю не выдумал. Впрочем, я была практически уверена, что он не сочиняет: Зайцев явно не отличался бурной фантазией. Он был простоват и довольно ограничен, но беззлобен, и разве что чуть приукрасил собы-

тия. Но поведал он обо всем этом довольно занятно, и я даже решила сделать ему запоздалый комплимент:

– А вы весьма занимательно рассказываете! Писательством не пробовали заниматься?

– Нет, не пробовал. И не собираюсь. Я больше по другой части, – ответил Михаил Петрович, хотя было заметно, что ему лестно мое замечание.

Он управился с горячим быстрее меня и перешел к десерту. Расслабившись, он не утерпел и заказал себе вторую порцию джина.

– Не увлекайтесь, Михаил Петрович. – бросила я вскользь. – Не забывайте, что мы все-таки здесь по делу.

– Да какие сегодня дела! – легкомысленно махнул здоровенной ручищей начальник охраны. – Ковалев же ясно сказал, что все откладывается на день-два.

– В таком деле никогда нельзя ни в чем быть уверенным, – заметила я. – Если уже произошли накладки, нет гарантий, что планы голландской стороны вновь не изменятся. Кстати, вы лично не говорили с ними?

– Нет, – покачал головой Михаил Петрович, и было заметно, что он и не собирался заморачиваться такой проблемой. – У меня и телефона-то их нет, он только у Ковалева – Мирошников, видно, конспирируется. У него иногда просыпается мания преследования.

– Вот как? – задумчиво переспросила я. – А Геннадий Владиленович предвидел подобный вариант?

– А хрен его знает! – по-простецки рубанул Зайцев. – Мне по барабану!

– Вы давно работаете у Геннадия Владиленовича?

– Три года, – отозвался Зайцев, быстро разобравшись с джином и принимаясь за пудинг. На мгновение он замолчал, тщательно пережевывая пищу и помогая тем самым обществу, после чего выдал заключение: – Рисовая запеканка! Сахару маловато. Вишня – ягода кислая, нужно же это учитывать!

– А где вы раньше работали? – полюбопытствовала я.

Михаил Петрович отправил в рот еще один кусок рисовой запеканки и отвернулся в сторону.

– В разных местах, – уклончиво ответил он.

– А почему пошли к Мирошникову? Вы прекрасно могли бы устроиться шеф-поваром в хорошем ресторане, – вновь невольно польстила ему я. – Вы так здорово разбираетесь в пропорциях и сочетаемости продуктов!

– Ну, охрана мне ближе. По этой части я все-таки профессионал, а по кулинарной – так, любитель... – поскромничал Михаил Петрович.

Пока что он не казался мне особо крутым спецом и по части охраны. А может быть, я судила поверхностно и предвзято, поскольку проявить свои навыки в этой области у Михаила Петровича пока не возникло повода.

«И дай бог, чтобы он не появился», – подумала я про себя и посмотрела на часы и на опустевшие тарелки.

Пора было заканчивать трапезу, поскольку голод я уже основательно утолила. Зайцев же совсем освоился в кафе и, к моему ужасу, щелкнув пальцами и обнаружив тем самым свое плебейское происхождение, подозвал официанта и потребовал еще одну порцию джина. Прodelывал процедуру заказа весьма незамысловато: тыкал пальцем в пустой стакан и приподнимал его, показывая тем самым как бы цифру один и прося принести еще одну порцию того же самого. Официант с бесстрастным лицом отправился выполнять заказ. Толерантность, а точнее, пофигизм и равнодушие голландцев – их отличительная черта. Им все равно, что вы делаете, если тем самым вы никак не затрагиваете их интересов. То есть хочешь курить – кури. Не хочешь – не кури. Хочешь быть геем – будь им! Не хочешь – опять же, на здоровье! В данном случае желания Михаила Петровича никак не затрагивали интересы кафе, а даже наоборот, полностью соответствовали им, так что из уст обслуги Михаил Петрович не получил ни малейшего выражения неодобрения по поводу его действий.

У меня же было иное мнение на сей счет: я заметила, что цвет лица Михаила Петровича окрасился в близкий к свекольному, дикция нарушилась, а взгляд, «обтекавший» мою фигуру, стал откровенно плотоядным и расплывчатым одновременно. К тому же Михаил Петрович с шумом придвинул стул поближе к моему и, наклонившись к моему уху, прошептал:

– Думаю, после столь сытного обеда нам стоит продол-

жить нашу беседу в... более уединенном месте.

– Где же, например? – усмехнувшись, поинтересовалась я, имея «обратные» мысли по этому поводу.

– Давайте вернемся в отель! – со всем своим прямодушием и полным отсутствием фантазии брякнул Зайцев.

– Вообще-то я не собиралась так быстро сворачивать знакомство с достопримечательностями города, – вежливо, но решительно отклонила я домогательства Зайцева.

– Да зачем они вам сдались, эти достопримечательности! – с досадой воскликнул Зайцев. – Что вы, не видели селедки и педиков? Давайте лучше между собой познакомимся поближе! – Он уже дышал мне прямо в ухо смесью ароматов копченого мяса и паров джина. – Пойдемте ко мне в номер... Вы не пожалеете, обещаю!

Пыл и жар его были весьма убедительны, но я хоть и вежливо, но очень решительно отказалась от столь «заманчивого» предложения. Признаться, пьяненький Зайцев уже порядком поднадоел мне, а полезной информации от него в таком состоянии все равно больше не выудишь. Он явно превращался в обузу, а не в моего союзника, и я поспешила избавиться от его общества.

– Жду вас на улице, – проговорила я, поднимаясь. – Жду ровно пять минут, их как раз хватит вам, чтобы доесть свой обед и расплатиться по счету, после чего уйду.

С этими словами я поднялась, честно положила на стол деньги за свой заказ и быстро направилась к выходу. По мо-

им подсчетам, грузному, да еще и накачанному джином Зайцеву, учитывая его незнание языка, и десяти минут окажется мало, чтобы завершить в кафе все дела и расчеты. Но я не собиралась ждать его и обещанных пяти минут. Едва выйдя на воздух, я быстренько свернула на соседнюю улицу и зашагала по ней, радуясь, что не слышу за спиной тяжелого топая запыхавшегося Михаила Петровича.

Оставшись в одиночестве, я предалась размышлениям: куда бы мне податься и как скрасить неожиданный досуг? Отметя заранее варианты любых кафе, торгующих наркотой, как и квартал красных фонарей, гей-клубы и прочие непотребные места, я вспомнила слова Ковалева о прогулках по городу и решила начать именно с этого. Тем более что погода располагала к этому. В начале лета в Голландии очень приятно, не то что зимой и осенью, когда сырой промозглый воздух отнюдь не соблазняет шататься по городу.

Пройдя до конца квартала, я повернула налево и зашагала по чистенькой широкой улице. Как всегда в Амстердаме, в глаза мне бросилось огромное количество велосипедистов, для которых были построены специальные дорожки между проезжей частью и тротуаром. В Голландии на велосипедах ездят практически все, от мала до велика, и это считается самым оптимальным вариантом передвижений на дальние расстояния.

Я даже подумала, а не взять ли и мне велосипед напрокат до конца дня, но через минуту все-таки отказалась от

этой мысли. Велосипед, облегчив мне задачу в одном отношении, усложнил бы ее в другом. Я оказалась бы привязанной к нему, и каждый раз при входе в какое-нибудь помещение меня мучила бы проблема, куда девать своего железного коня. Самый простой вариант – оставить на улице, но это чревато неприятными последствиями. Вы знаете, что в Голландии велосипеды крадут на каждом шагу? Так вот, я это знаю отлично и рисковать не собираюсь. Меня отнюдь не радовала перспектива выкладывать из собственного кармана некую сумму денег, явно выше той, чем реально стоит старый драндулет. А списать этот расход на Мирошникова мне вряд ли удастся – это не легче, чем заведующему автозаправкой списать недостачу бензина на жизнедеятельность, скажем, тараканов.

Словом, полностью положившись на свои ноги, я на своих двоих и почапала к центру города. Собственно, в его сердце, можно сказать, я и так уже находилась.

Погода была даже слишком хорошей для Амстердама: сухо, солнечно и тепло для этого времени года – примерно плюс восемнадцать. Конечно, в России в июне совершенно иной температурный режим, но жара уже основательно успела мне надоесть, и в легкой светло-зеленой ветровке я чувствовала себя весьма комфортно – в самый раз.

Я шурилась от яркого света, подставляя лицо солнечным лучам, и ощущала себя вполне счастливой и беззаботной. Однако в душе моей все равно сидело выработанное за годы

бойцовской практики чувство готовности в любой момент сориентироваться в обстановке. Даже если ничто не предвещало тревоги, я привыкла всегда быть начеку.

Немного побродив по городу, я все же решила уделить внимание духовной составляющей этого путешествия и посетить какое-нибудь культурное мероприятие. Прокрутила в голове советы Ковалева, который настоятельно советовал мне отправиться на водную прогулку, а музеев избегать, и из чувства противоречия этому лощеному типу решила остановиться именно на посещении храма муз.

Достав из кармана подаренный мне Ковалевым путеводитель, я пролистала несколько страниц, а затем огляделась. С выбором затягивать не пришлось: подходящим местом мне показался один из музеев, где как раз проходила выставка современного искусства. У этого мероприятия имелись свои преимущества: на художественные произведения можно просто смотреть и наслаждаться, не обременяя себя знанием языка. И даже если что-то из речи экскурсовода останется непонятным, не беда – вот они, экспонаты, любуйся на здоровье и составляй собственное мнение.

Приобретя у вежливой женщины билет и выложив за него три евро из мирошниковских средств, выделенных на расходы для нашей компании, я поднялась по высоким ступенькам на второй этаж, где и происходила, собственно, сама выставка. В основном экспонировались картины. Ну, таланты голландцев в области живописи известны с давних времен

и сомнению не подвергаются. Тем интереснее понаблюдать, что же представили на суд зрителей сегодняшние мастера кисти и красок. Однако оценить этого я так толком и не успела. Произошло нечто, заставившее меня на время забыть обо всех на свете экспонатах – из-за угла вдруг появилась некая парочка, представлявшая собою любопытнейшее зрелище.

Первым шествовал Дмитрий Сергеевич Ковалев. Рядом с ним, чуть поодаль, держался мужчина, внешне бывший его полной противоположностью: низенький, худощавый (даже скорее щуплый), смуглый брюнет, в светлой рубашке и просторных холщовых брюках. Маленькие черные глаза смотрели пронзительно и как-то настороженно. Он что-то бормотал, это было видно по движениям его странных, каких-то вишнево-коричневых губ. Ковалев слушал внимательно, склонив голову и слегка хмуря светлые брови.

На всякий случай я нырнула в толпу и слилась с ней. Повинуясь своему инстинкту охотника, я спряталась за спиной какого-то крупного мужчины в шортах и в белой шляпе и осторожно понаблюдала за странной парочкой. Они не стали задерживаться у экспонатов выставки, а сразу же прошествовали к лестнице, ведущей вниз. Конечно, на первом этаже тоже есть чем полюбоваться, но почему-то я была уверена, что Дмитрий Сергеевич пришел в музей отнюдь не с экскурсионными целями. Он вовсе не казался мне ревностным ценителем современного искусства. Тем более что совсем недавно он уверял меня, какое нудное зрелище – все

эти выставки.

Жаль, что в музее запрещена съемка, меня так и подмывало достать фотоаппарат и сделать несколько снимков этого дуэта. Можно, конечно, попытаться сделать это незаметно, но не стоит так рисковать: в этом случае я неизбежно привлеку к себе внимание, и Ковалев уж точно заметит меня. А я была уверена: мне не следует афишировать, что я видела его в компании чернявого типа.

«У тебя паранойя, Евгения! – сказала я себе. – Может быть, Ковалев просто решил о чем-то спросить у местного жителя, который хорошо знает наш или английский язык!».

Но выбор «кандидатуры» выглядел весьма странно. Смуглый чернявый тип никак не походил на коренного представителя фламандской нации, он был бы последним, к кому лично я обратилась бы с просьбой помочь мне преодолеть языковой барьер. К тому же Ковалев хвастался приобретенным им разговорником...

На всякий случай я проследовала к лестнице и сверху оглядела вестибюль. Ковалев и чернявый тип уже выходили из здания. Я быстро спустилась. Ковалев с типом сели в припаркованный неподалеку от входа «Фольксваген» и тронулись с места. Машины у меня не было, а следить за ними на своих двоих – дело безнадежное. Просить же местного таксиста проехать за ними следом и вовсе плохая идея: это не Россия, таксист наверняка подумает обо мне что-то не то, а вступать в конфликт с нидерландской полицией мне совер-

шенно не улыбалось. Пришлось мне оставить эту затею.

Конечно, вполне вероятно, что встреча Ковалева с неизвестным не таит в себе никакого криминала. И совсем не имеет отношения к делу, по которому мы сюда приехали. Да и вообще меня это не касается! Моя задача – охранять образцы препарата, которые мы пока что еще не получили на руки. Так что, в строгом смысле, моя миссия еще и не началась.

Однако осматривать картины и прочие произведения искусства мне уже расхотелось, и я вышла из музея. Я собралась перейти на другую сторону улицы и, остановившись на светофоре, посмотрела налево. И увидела, как в нескольких метрах впереди остановился «Фольксваген», в котором минуту назад отъехали Ковалев вместе с неизвестным типом. Тип этот на моих глазах вышел из машины и направился к киоску, торгующему сигаретами, папиросами и сигарами.

Посчитав эту ситуацию знаком свыше, я, быстро оглядевшись по сторонам, сориентировалась мгновенно. Времени на лучший вариант не было, и я, мысленно попросив высшие силы и дальше помогать мне, подошла к оставленному кем-то у обочины велосипеду и оседлала его. Я могла бы поклясться, что Ковалев не увидел меня. Но на всякий случай я сняла с шеи платок, перевернула его темной однотонной стороной наружу и намотала его на лоб, на манер банданы. Двустороннюю куртку-ветровку я тоже вывернула, и теперь она стала ярко-оранжевой, цвета национальной голландской

сборной, что также не выделяло меня из толпы.

Темные очки, которые я всегда ношу с собой, довершили мой новый образ. На более серьезную маскировку не было времени, да и подручных средств не хватало. Но Ковалев вряд ли предполагает, что в Голландии за ним следят, так что мои шансы в данной ставке оказались довольно-таки высокими, и я решила положиться на свою удачу.

Нехитрый этот маскарад могли расколоть за три секунды, но лишь при условии, если бы меня поставили прямо напротив Ковалева и предложили ему пристально всмотреться в мой облик. Но ситуация позволяла надеяться, что он не обратит внимания на очередную велосипедистку – они и так сновали туда-сюда на своих машинках беспрерывно.

Чернявый тип приобрел коробку сигар и вернулся в машину. Он завел мотор, и «Фольксваген» куда-то поехал. А примерно метрах в ста за ним последовала я.

Конечно, нехорошо угонять чужие велосипеды, даже если краска на них безбожно облупилась, колеса кривоватые, спицы порядком проржавели, а хозяин их, возможно, в данный момент ловит кайф в одном из кофешопов в районе Центрального вокзала... Но выбора у меня не было, к тому же я намеревалась вернуть велосипед в целости и сохранности на прежнее место. Только бы за время моей поездки ко мне не прицепились полицейские! Вот получится номер! Какой сюрприз для господина Мирошникова – нанятый им телохранитель, пусть и в не совсем обычном для себя статусе,

арестован в Голландии по обвинению в угоне старого велосипеда! Смешно, если бы этот исход дела не казался столь реальной перспективой...

Стараясь не думать о грозившем мне на ровном месте тюремном заключении, я крутила педали и пыталась не отставать от преследуемого автомобиля, и в то же время держаться на почтительном расстоянии от него. В этом мне здорово помогали особенности национального движения транспорта в Голландии. В Голландии велосипед – король дорог. Ему отдается явное предпочтение перед автомобилями. Его все уважают, перед ним преклоняются. Велосипед для голландцев – это как религия. К автомобилям у коренных жителей страны отношение полупрезрительное. Ввиду узости улиц, обилия каналов и все тех же велосипедистов машины пробираются по улицам с трудом, а порою просто еле ползут. «Фольксваген» тоже передвигался не слишком быстро, что позволяло мне не терять его из виду.

«Фольксваген» проехал по улице Дамрак, миновал площадь Дам, двинулся дальше, проехал мимо многочисленных дорогих закусочных и интернет-кафе, и через несколько минут мы покинули центр. «Фольксваген» пополз дальше, в глубь города. Я спокойно ехала следом, не чувствуя пока что никакой усталости в ногах и в очередной раз убедившись, какую огромную пользу приносят регулярные тренировки на беговых дорожках стадиона, на тренажерах и в спортивных залах.

На улицах стало еще многолюднее, причем в проходивших и проезжавших мимо меня гражданах замелькали представители этнических меньшинств, как-то: негры (прошу прощения, афроголландцы, конечно!), китайцы и арабы. Арабов, кстати, появлялось все больше. На каждом шагу теперь попадались закусочные фелафель – это голландская разновидность фастфуда, некое подобие наших будочек с хот-догами, чебуреками и шаурмой, разве что не из коша-тины. Мне стало еще любопытнее: что же занесло сюда снобистски настроенного Дмитрия Сергеевича Ковалева, гурмана и привереду, как охарактеризовал его Зайцев? И хотя начальник охраны относился к Ковалеву весьма субъективно, в душе я была с ним кое в чем согласна: вряд ли Дмитрий Сергеевич обожает тайком лакомиться мясными лепешками быстрого приготовления.

И все же вскоре «Фольксваген» остановился именно возле такой забегаловки. Водитель вышел первым и сделал Ковалеву небрежный приглашающий жест. Дмитрий Сергеевич инстинктивно огляделся по сторонам, но, не заметив ничего подозрительного, двинулся за своим спутником.

Я соскочила с велосипеда и, оставив его в сторонке, тоже направилась к кафешке, откуда доносились сочные запахи жареного мяса, лучка и восточных пряностей.

Внутри царил полумрак. За круглыми столиками сидели люди, чей внешний вид свидетельствовал о не слишком высоком экономическом уровне их жизни, тем не менее выгля-

дели они вполне пристойно. Я заметила несколько человек, одетых согласно каноническим мусульманским традициям, но были и такие, чья одежда вполне соответствовала европейскому стилю. Лишь их смуглые лица и густые черные бороды говорили о том, что они тоже представители восточной культуры. Присутствовали в кафе и истинные голландцы. Дмитрий Сергеевич с виду вполне мог сойти за одного из них, если бы, конечно, удосужился в совершенстве овладеть нидерландским языком.

Вместе со своим спутником он занял место в дальнем уголке зала. К ним подскочил молодой парень в шароварах и белой рубаше и быстро залопотал что-то на незнакомом мне языке. Несмотря на относительную прохладу, он был босиком. Из-под светлых штанин выглядывали не очень чистые ноги. Чернявый тип кивнул ему как старому знакомому, и они бойко обменялись несколькими фразами. Судя по всему, этот тип здесь частый гость. Ну это понятно: арабы с их бизнесом вполне наверняка чем-то ему близки, но вот что забыл здесь Ковалев?

Я постаралась устроиться в уголке и не привлекать к себе особого внимания. Есть мне не хотелось совершенно, я намеревалась ограничиться лишь чашкой кофе. Ко мне подошел служащий забегаловки, постарше и пошире в плечах, чем босоногий юнец. Я негромко произнесла по-английски «кофе», от души надеясь, что меня поймут: не хотелось из-за незнания арабского стать центром внимания всего заве-

дения. Не дай бог, кто-нибудь кинется мне на помощь, тогда Ковалев уж точно заметит меня. Но, к счастью, араб меня понял, кивнул и тоже на английском уточнил – одну чашку? На всякий случай я заказала две, так как не знала, сколько времени мне придется здесь проторчать.

Кофе я получила очень быстро и не спеша принялась отпивать его мелкими глотками. Он был очень крепким и горячим. На столе стоял кувшин с водой. Я знала, что многие турки и арабы пьют кофе, запивая его холодной водой, дабы уменьшить крепость. Наполнив стакан, я стала понемножку прихлебывать воду, при этом вся обратившись в слух. Сразу скажу – это оказалось излишним.

Я с самого начала не рассчитывала, что услышу всю беседу Ковалева и его спутника. Главное – пронаблюдать за ними. Говорили они тихо, до меня не долетали даже обрывки фраз. Единственное, что я поняла по их артикуляции, – они разговаривали по-французски.

Ковалев был хмур и сосредоточен. Как мне показалось, он больше слушал, кивал, периодически задавая какие-то вопросы. Смуглый мужчина отвечал ему бормотанием, в глазах его при этом поблескивали не очень-то добрые огоньки. Но никакой агрессии по отношению к Ковалеву я не заметила. Казалось, араб чем-то сильно озабочен.

Я расправилась наконец с чашкой кофе и посчитала, что вторая – уже явный перебор. Несмотря на мою любовь к кофе, местный напиток был слишком уже специфическим. К

тому же здесь не подавали мороженое. В сочетании с ним я еще как-то выдержала бы еще одну порцию.

Беседа Ковалева с чернявым подошла к концу. Дмитрий Сергеевич, доевший свою «шаурмятину», вытер губы бумажной салфеткой, готовясь уйти. Я пока что не спешила покидать свое укрытие. Ковалев не расплатился за свой заказ – просто встал, спокойно двинулся к двери и исчез за ней.

Решив немного задержаться, чтобы понаблюдать за действиями смуглого типа, я повертела в руках вторую чашку кофе, делая вид, что понемногу пью его. Никаких особых действий со стороны «объекта» не последовало. Смуглый спокойно доедал то, что лежало у него на тарелке, покачивая головой в такт восточной музыке, лившейся откуда-то из динамиков, и даже тихонько подпевал себе под нос. К нему никто не подсел, и он сам тоже никуда не торопился. Судя по его виду, он собирался провести в этой забегаловке еще долгое время. Покончив наконец с жареным кебабом, он достал из кармана сотовый телефон – довольно-таки крутую модель известной западной фирмы – и набрал номер. Разговора я, разумеется, не слышала, да и не поняла бы ничего – чернявый лопотал на своем языке. Отметила я лишь, что беседа длилась недолго, словно смуглый в чем-то кратко отчитался.

Сунув телефон в карман, он с удовлетворенным видом откинулся на спинку стула и что-то крикнул молодому парню, принесшему им с Ковалевым заказ. Тот на мгновение куда-то нырнул, и музыка зазвучала гораздо громче. Разудалая

мелодия заполнила все пространство кафе, но присутствующим это явно понравилось. Чернявый обнажил в улыбке ровные белоснежные зубы и, закинув ногу на ногу, начал хлопывать по столу ладонью.

Я поняла, что делать мне здесь больше нечего. Да и недопитыми чашками кофе я рискую вызвать чье-либо нездоровое любопытство. Я встала, оставила на столике деньги и двинулась к выходу. Покинув кафе, я огляделась: Дмитрия Сергеевича Ковалева уже и след простыл. «Фольскваген», на котором они со смуглым типом приехали сюда, как и «позаимствованный» мною чужой велосипед, стояли на своих местах. Я не решилась вновь усесться на него. Мысленно попросив прощения у владельца и подумав, что, обратившись в полицию, он легко вернет свой велик обратно, я спокойно пошла к трамвайной остановке. Однако легкие угрызения совести все-таки не давали мне покоя. Выйдя в том месте, откуда я начала преследование, я подошла к тротуару – точке угона велосипеда. Нацарапав по-английски печатными буквами: «Ваш велосипед стоит у входа в закусочную быстрого питания на Бремер-страат», я быстро прикрепила клочок бумажки к заборчику, ограждавшему обочину, и двинулась дальше уже не просто со спокойной, но с чистейшей совестью.

Я шла и ломала голову над тем, что мне недавно довелось увидеть. Мне все это не нравится! Какого лешего Ковалев встречается с каким-то мутным типом? Какие между ними

дела? И почему он заявил, что получение образцов препарата «троянус» задерживается? И вообще, не выдумал ли все это Дмитрий Сергеевич? Но с какой же целью? И в курсе ли этой непонятной игры господин Мирошников? Может быть, наше задание совсем не таково, каким он его «обозначил»?

Мне, по большому счету, глубоко плевать на тайные дела Ковалева! Окажись он даже шпионом американской разведки – это не мое дело, расследовать его делишки меня никто не уполномочивал. Но сейчас-то я сама замешана... Я отвечаю за груз, который, во-первых, мы еще не получили, а во-вторых, вообще неизвестно, что он собою представляет. После увиденного недавно я уже усомнилась в том, что наш груз – это просто обычные пробирки с образцами лекарственного препарата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.